ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССИИ

ТИМОШКОВ Станислав Геннадьевич, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, преподаватель кафедры международного права юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: stantim88@yandex.ru

В статье анализируется деятельность международного сообщества по внесению в Римский статут Международного уголовного суда (МУС) ряда поправок относительно закрепления дефиниции преступления агрессии и установления юрисдикции МУС над этим международным противоправным деянием. Ввиду возникших споров между государствами при принятии Римского статута относительно определения данного международного преступления была создана специальная рабочая группа, целью которой стала разработка проекта по внесению изменений в Статут. После длительной работы на международной конференции в столице Уганды — Кампале государствами — участниками Римского статута были рассмотрены поправки, которые необходимо внести в Статут МУС для его большей эффективности. При рассмотрении этих поправок также был принят во внимание тот факт, что не все государства ратифицировали Римский статут и, соответственно, при принятии поправок необходимо было учитывать национальные интересы этих государств. Введение поправок касательно преступления агрессии позволит укрепить систему международного правосудия. Однако важно учитывать национальные интересы государств при осуществлении юрисдикции МУС в отношении преступления агрессии. Данный аспект касается выдачи лиц, обвиняемых в совершении тяжких международных преступлений, особенно преступления агрессии. Ввиду того факта, что в соответствии с конституциями большинства государств, в том числе Российской Федерации, запрещается возможность выдачи своих граждан международным судебным органам, возникает коллизия между положениями Римского статута и нормами национальных законодательств ряда государств. Таким образом, для предотвращения преступления агрессии и развития норм ответственности за нее необходимо подержание совместных действий между государствами и международными судебными органами.

Ключевые слова: преступление агрессии, юрисдикция, Римский статут, Международный уголовный суд, Совет Безопасности ООН, поправки, ответственность.

FORMATION OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT'S JURISDICTION OVER THE CRIME OF AGGRESSION

S. G. TIMOSHKOV, postgraduate student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, lecturer at the Department of international law of the Law faculty of the Russian State University for the Humanities

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: stantim88@yandex.ru

This research article examines the activities of the international community for inclusion in the Rome Statute of the International Criminal Court a number of amendments, concerning the fixation of the definition of the crime of aggression and the establishment of the Court's jurisdiction over the international wrongful act. In a view of disputes between the states in the adoption of the Rome Statute concerning the definition of this international crime, set up a special working group whose objective was the development of a project for amendments in the Statute. After a long work at the international conference in the Ugandan capital – Kampala, the Member States of the Rome Statute were considered the amendments to be made to the Statute of the International Criminal Court for its greater efficiency. In considering these amendments were also taken into account the fact that not all states ratified the Rome Statute, respectively, for their adoption it was necessary to consider the national interests of these states. Despite the fact that the introduction of the amendments regarding the crime of aggression was deferred for a certain period, their adoption will strengthen the system of international justice. However, the article notes that it is important to consider the national interests of the states exercising the jurisdiction of the International Criminal Court over the crime of aggression. This aspect concerns the extradition of persons accused of committing serious international crimes, especially the crime of aggression. In a view of the fact that, in accordance with the constitutions of most States, including the Russian Federation, not allowing the extradition of its citizens to the international judicial authorities, as a result, there is a conflict between the provisions of the Rome Statute and national law of several states. Thus, to prevent the crime of aggression and the development of liability rules for it, it is necessary to maintain joint action between states and international judicial organs.

Keywords: crime of aggression, jurisdiction, Rome Statute of the International Criminal Court, UN Security Council, amendments, responsibility.

DOI: 10.12737/article_593fc343dc4296.42771330

Как известно, на Нюрнбергском процессе Трибунал охарактеризовал ведение агрессивной войны как «...в высшей степени зло... Развязывание агрессивной войны... не только международное преступление; это в высшей степени преступление международного характера, отличающееся от других военных преступлений лишь тем, что оно содержит в себе все накопленное зло в целом»¹.

Принятие Устава и определения, содержащего признаки агрессии, не являлось завершающим этапом дискуссии о принципе *nulla poena sine lege* — «нет наказания без закона». Когда этот вопрос был поднят на Нюрнбергском процессе, судьи сформулировали следующее более конкретное утверждение:

«Преступления против международного права совершаются людьми, не абстрактными субъектами, и только благодаря наказанию индивидуальных лиц, совершивших данное преступление, могут быть исполнены положения международного права»².

Создание в 1945 г. Организации Объединенных Наций стало центральным актом признания жесткой необходимости предпринять что-то радикальное, чтобы избежать повторения столь кровопролитной войны. Для разрешения вопросов, касающихся нарушения норм международного права, Уставом ООН был учрежден Международный суд. Однако, осуществляя свою деятельность, Международный суд ООН сталкивается с нежеланием некоторых государств исполнять решения Суда по каким-либо политическим причинам. По этому поводу в своей статье Р. А. Каламкарян отмечает: «Существование международного обязательства, зафиксированного в соответствующей договорной форме, предопределяет необходимость выполнения содержащихся в нем постановлений согласно их букве и духу. В этом плане официально высказанная готовность государства формально содействовать арбитражному урегулированию возникшего спора представляется недостаточной. Важно, чтобы государство своими действиями не создавало искусственных преград на пути нормального хода арбитражного разбирательства, выдвигая надуманные предлоги о политическом характере спора с целью воспрепятствовать его проведению. Соответственно, требуется не только формально выраженная готовность государства содействовать урегулированию спора на основе права, но и его реальные позитивные шаги в этом направлении, одним из проявлений чего является невыдвижение необоснованных заявлений о политическом характере возникшего спора»³. Боль-

шим вкладом в развитие системы международного правосудия стало принятие в 1998 г. Римского статута Международного уголовного суда и его вступление в силу в 2002 г. Г. А. Русанов отмечает, что на современном этапе именно Статут Международного уголовного суда является наиболее полным источником международного уголовного права, в преамбуле которого подтверждаются принципы, перечисленные в Уставе ООН⁴.

Статья 5 (подп. «d» п. 1) Римского статута гласит, что Международный уголовный суд (МУС) обладает юрисдикцией над всеми серьезными международными преступлениями, в том числе преступлением агрессии. Как отмечают П. Гирке и М. Камп, «Римский статут направлен на укрепление верховенства права в международных отношениях, требуя от лиц, которые нарушили обязанности по отношению к международному сообществу, предстать перед независимым международным судебным учреждением и понести ответственность за свои поступки»⁵.

Поскольку во время конференции не было достигнуто соглашения между государствами — членами конференции по вопросу, что представляет собой преступление агрессии, было принято, что МУС не будет устанавливать свою юрисдикцию над преступлением агрессии до того момента, когда будут внесены изменения в Статут, дающие конкретное понятие этого преступления. В отношении же остальных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, а именно: преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, действуют существующие международные договоры, в том числе Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г., Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и другие международные акты. Однако А. Х. Абашидзе указывает, что в соответствии с нормами, закрепленными в этих конвенциях, государства обязаны осуществлять уголовное преследование всех лиц, совершивших международные преступления. Многие государства «не могут определиться с признанием юрисдикции МУС, который создан в качестве одного из эффективных средств судебного преследования и наказания лиц, совершивших наиболее тяжкие международные преступления. К тому же действует он только в тех случаях, когда соответствующие государства оказываются не в состоянии на основе национальной систе-

¹ *Glueck Sh.* The Nuremberg Trial and Aggressive War // *American Journal of International Law*. 1947. Vol. 41. No. 1. P. 334.

² *Ibid.*

³ *Каламкарян Р. А.* Международный суд как орган правосудия по разрешению споров между государствами // *Государство и право*. 2012. № 8. С. 66.

⁴ См.: *Русанов Г. А.* Принципы международного уголовного права // *Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление*. 2009. № 4. С. 30—34.

⁵ *Girke P., Kamp M.* Africa and the International Criminal Court: Stocktaking in Uganda // *KAS international reports*. 2010. Vol. 10. P. 59.

мы уголовного правосудия преследовать лиц, совершивших такие преступления, или же не делают этого должным образом»⁶.

Разработка определения преступления агрессии началась еще до Римской конференции. В процессе разработки и принятия Статута МУС основой для определения данного преступления послужили положения, закрепленные резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г., утвердившей определение агрессии.

Задача по разработке определения агрессии была поставлена перед специальным Комитетом, учрежденным Генеральной Ассамблеей ООН в 1994 г., работавшим над созданием Международного уголовного суда⁷. В Риме делегаты приняли Резолюцию «F» для создания Подготовительной комиссии для работы над проектом предложений, касающихся преступления агрессии⁸. Подготовительной комиссии было поручено подготовить предложения по изменению положения об агрессии, в том числе определение, элементы преступления агрессии и условия, в соответствии с которыми МУС будет осуществлять свою юрисдикцию в отношении этого преступления⁹. К июлю 2002 г. Подготовительной комиссией были подготовлены предложения¹⁰ — они включали три варианта определения агрессии.

В сентябре 2002 г. для облегчения дальнейшей работы над предложениями ассамблеей государств — членов МУС была создана Специальная рабочая группа по рассмотрению преступления агрессии (СРГПА) и после многочисленных встреч в феврале 2009 г. СРГПА представила законопроект о внесении изменений¹¹. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, все три определения базировались на резолюции 3314 Генеральной Ассамблеи ООН. Она указывает, что первое определение агрессии состояло в перечислении основных признаков данного преступления. Второе определение агрессии является более широким, в нем не только перечислялись признаки

агрессии, такие как вторжение вооруженных сил одного государства на территорию другого, бомбардировка, блокада портов и другие, но также подчеркивался тот факт, что все физические лица, причастные к совершению любого акта агрессии, независимо от своего статуса, будут нести индивидуальную ответственность за данное преступление. Третий вариант также содержал перечисление составляющих элементов данного международного преступления и включал указание на индивидуальную ответственность за агрессию¹².

Проект поправок СРГПА был подготовлен в соответствии с резолюцией 3314 Генеральной Ассамблеи ООН по закреплению понятия «агрессия»¹³, но СРГПА добавила квалифицирующие термины, которые значительно сузили рамки определения агрессии. Так, ст. 8 (п. 1) проекта определяла «преступление агрессии» как «планирование, подготовку, развязывание или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять контроль или руководство политическими или военными механизмами государства для акта агрессии, который, в силу своего характера, серьезности и масштаба является грубейшим нарушением Устава Организации Объединенных Наций»¹⁴.

Статья 8 (п. 2) дала определение самого «акта агрессии»: «Применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»¹⁵.

Основным вопросом, который рассматривался на Римской конференции в отношении определения преступления агрессии, был вопрос о том, можно ли дать определение агрессии как преступлению в целом, чтобы Совет Безопасности ООН пользовался этим определением в случае, когда это будет необходимо.

31 мая — 11 июня 2010 г. состоялась первая Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда в столице Уганды Кампале. Необходимость Конференции была детерминирована особой ролью Международного уголовного суда в современном мире¹⁶. Как отмечают П. Гирке и М. Камп: «Самым важным предметом во время пе-

⁶ Абашидзе А. Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008. С. 50.

⁷ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/53 от 9 декабря 1994 г. URL: <http://www.un.org/ru/ga/49/docs/49res.shtml> (дата обращения: 01.03.17).

⁸ См.: Заключительный акт дипломатической конференции полномочных представителей ООН по учреждению Международного уголовного суда. URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 01.03.17).

⁹ Там же.

¹⁰ См.: O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute // Journal of International Criminal Justice. 2012. No. 10. P. 199.

¹¹ Там же.

¹² См.: Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве — Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008. С. 170.

¹³ См.: O'Connell M. E., Niyazmatov M. Op. cit. P. 200.

¹⁴ Определение агрессии, утвержденное резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. Ст. 8. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 02.03.17).

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: O'Connell M. E., Niyazmatov M. Op. cit. P. 200.

реговоров на Конференции было преступление агрессии. Хотя оно изначально являлось частью юрисдикции МУС, он не мог де-факто привлечь к ответственности лиц, виновных в данном преступлении, по причине отсутствия дефиниции агрессии и роли Совета Безопасности ООН, определяющего действия того или иного государства агрессивными»¹⁷. Также фактором, влияющим на включение преступления агрессии в юрисдикцию Суда, являлось правомочие государств осуществлять уголовное расследование по делам, связанным с данным преступлением, в том числе принятие каких-либо решений в отношении лиц, виновных в совершении агрессии, ввиду самостоятельности государств, исходя из универсальности своей уголовной юрисдикции¹⁸.

Деятельность по выработке дефиниции преступления агрессии для целей Римского статута динамично выполнялась в течение более 10 лет под эгидой Специальной рабочей группы, в которой также активно участвовали представители Российской Федерации¹⁹. Одобренный группой проект имел противоречия по ряду принципиальных вопросов, и в такой форме, но с дополнительными вариантами, был отправлен на рассмотрение Конференцией²⁰.

Меньшее количество споров вызвало определение составных элементов преступления агрессии, одобренных рабочей группой: «Для основных целей данного Статута «преступление агрессии» означает планирование, подготовку, инициирование или ведение лицом, которое имеет, де-факто, рычаги власти или осуществляет контроль над военными или политическими структурами государств, акта агрессии, который по своему характеру, масштабности и серьезности является грубым нарушением Устава ООН»²¹.

Главными признаками преступления агрессии, исходя из данной дефиниции, стали: «бланкетный характер объективной стороны; специальный субъект, который характеризует преступление как “leadership

crime”; специфический “предел важности” в виде императива “жесткого нарушения” Устава ООН»²².

Г. И. Богуш отмечает, что «в конце Конференции были приняты решения по закреплению различных процедур по осуществлению юрисдикции Суда в двух новых статьях. В соответствии со статьей 15bis в варианте передачи дела в МУС государством-участником или при начале расследования *proprio motu* прокурором последнему необходимо уточнить, было ли принято Советом Безопасности ООН решение о совершении акта агрессии, и сообщить об этом Генеральному секретарю ООН. В том случае, если нет такого решения, прокурор так или иначе может дальше вести свое расследование в привычном порядке, если он получит единогласное разрешение всех судей Отдела предварительного производства МУС. Это являлось важной победой тех, кто придерживался идеи единоличной роли Суда в преследовании виновных в преступлении агрессии»²³.

Две новые статьи Статута закрепили сокращение персональной, а также территориальной юрисдикции Суда в области, касающейся преступления агрессии. В вариантах трансфера рассмотрения дела Совету Безопасности ООН Суд может исполнять свою юрисдикцию в отношении любых преступлений, в том числе тех, которые были совершены в границах «третьих стран» или гражданами этих стран. Если рассматривать другие возможные ситуации, «то государство-участник имеет право передать Секретарю МУС особенную декларацию о том, что оно не признает юрисдикции суда, касаемо преступления агрессии»²⁴.

Вопреки затруднениям, вызванным процедурой принятия поправок, а также в связи с отсрочкой во времени, которая затянулась до 2017 г., установленный механизм представляется вполне разумным и довольно реалистичным²⁵. Принятие одобренной всеми государствами-участниками дефиниции преступления агрессии и ее ратификация будут являться *ipso facto* огромным достижением в сфере предотвращения данного тяжкого международного преступления.

На сегодняшний момент более 30 государств ратифицировали поправки относительно определения преступления агрессии. Одними из последних государств стали Чили и Нидерланды²⁶. Этот факт может

¹⁷ Girke P., Kamp M. Op. cit. P. 60.

¹⁸ См.: Каюмова А. Р. Перспективы унификации универсальной юрисдикции государств // Российский юридический журнал. 2015. № 3. С. 106—116.

¹⁹ См.: Кузьменков С. Ю. Разработка определения преступления агрессии в рамках Ассамблеи государств — участников Статута Международного уголовного суда // Международное право — International Law. 2007. № 1. С. 114—126.

²⁰ См.: Report of the Working Group on the Crime of Aggression — A/20. Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Официальные отчеты. URL: <http://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-offiical-records-RUS.pdf> (дата обращения: 02.03.2017).

²¹ См.: Резолюция RC/Res.6. Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Официальные отчеты.

²² Богуш Г. И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2010. № 5. С. 3.

²³ Там же. С. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Reisinger Coracini A. The International Criminal Court's Exercise of Jurisdiction Over the Crime of Aggression — at Last... in Reach... Over Some // Göttingen Journal of International Law. 2010. Vol. 2. No. 2. P. 745—789.

²⁶ См.: Chile and The Netherlands Ratify Amendments to the Rome Statute on the Crime of Aggression // International

позволить Суду осуществлять свою юрисдикцию над преступлением агрессии, поскольку для этого требовалась ратификация именно 30 государств, но только при условии, если это преступление было совершено по истечении года после момента ратификации этих поправок²⁷.

Определение преступления агрессии со всеми поправками, в отношении которого Международный уголовный суд сможет осуществлять свою юрисдикцию, звучит так:

«...“преступление агрессии” означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.

...“акт агрессии” означает применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»²⁸.

В том числе указываются признаки акта агрессии, которые также закреплены резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН. Важно отметить то, что Суд может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступления агрессии, проистекающего из акта агрессии, совершенного государством-участником, только в том случае, если государство-участник «ранее не заявило о непризнании такой юрисдикции путем направления соответствующего заявления Секретарю». Также необходимо отметить, что «в отношении государства, не являющегося участником Римского статута, Суд не будет осуществлять свою юрисдикцию по преступлению агрессии, совершенному гражданами этого государства или на его территории»²⁹.

Таким образом, определение, утвержденное резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН, является производным от существующих источников. Определение, закрепленное Римским статутом, наоборот, требует от государства действий или участия в процессе обвинения отдельных физических лиц, виновных в преступлении агрессии. На наш взгляд, Кампальская конференция является проры-

вом в сфере формирования современных норм международного уголовного права и символизирует объединение государств в целях развития системы международного правосудия.

Однако проблемным фактором при принятии Статута и его дальнейшей ратификации является момент касательно выдачи Суду обвиняемых в совершении международных преступлений, входящих в его компетенцию. Как пишет Б. Р. Тузмухамедов, «...основные расхождения заключались в том, что национальные конституции предусматривали неприкосновенность высших должностных лиц и запрет на передаче собственных граждан будущему Суду»³⁰. Также Б. Р. Тузмухамедов отмечает, что Международный уголовный суд, дополняющий национальные органы уголовной юстиции в соответствии с ч. 10 преамбулы, ст. 1 Статута и осуществляющий свои функции и полномочия на российской территории, в соответствии с ч. 2 ст. 4 Статута не подчиняется ни Конституции, ни другим законам Российской Федерации.

Ученый пишет: «Если под “дополнительностью” Международного уголовного суда по отношению к национальной юстиции понимается как минимум их сосуществование, а как максимум — замещение первым второй, то такому суду пока не находится места в российской судебной системе и в учреждающих ее нормативных актах»³¹. Б. Р. Тузмухамедов указывает, что в результате действия юрисдикции Международного уголовного суда могут быть нарушены права граждан РФ и российские граждане будут лишены права на рассмотрение дела судом присяжных заседателей, что гарантировано ст. 47 Конституции РФ, права на помилование в соответствии со ст. 50 Конституции РФ, а также гарантий на защиту и покровительство со стороны государства исходя из ст. 61 Конституции РФ³².

Стоит также отметить, что в связи с неясностью трактовок ряда положений Статута и тем, что Международный уголовный суд, к сожалению, так или иначе попадает под политическое влияние некоторых государств касательно своих решений, Российской Федерации пришлось отозвать свою подпись от участия в Римском статуте, так как наше государство, являясь великой державой, придерживается прямого исполнения норм международного законодательства, а не использует данные нормы в политических целях. В распоряжении Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Между-

Criminal Court. Press and Media. URL: https://asp.icc-cpi.int/en_menus/asp/press%20releases/pages/pr1241.aspx (дата обращения: 02.03.2017).

²⁷ См.: Adoption of Amendments on the Crime of Aggression // Amendments to the Rome Statute of the International Criminal Court. Kampala, 11 June 2010. URL: https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/RC2010/AMENDMENTS/CN.651.2010-ENG-CoA.pdf (дата обращения: 02.03.2017).

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ Тузмухамедов Б. Р. О некоторых проблемах соответствия Римского статута Международного уголовного суда Конституции Российской Федерации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008. С. 102.

³¹ Там же. С. 105.

³² Там же. С. 106.

народного уголовного суда» указано: «Принять предложение Минюста России, согласованное с МИДом России и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, с Верховным Судом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации, о направлении Генеральному секретарю ООН уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда, принятого Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН в г. Риме 17 июля 1998 г. и подписанного от имени Российской Федерации 13 сентября 2000 г.»

Ряд стран принципиально возражает против самой идеи МУС как ограничивающей суверенитет государств и дающей неопределенно широкие компетенции Суду; среди них США, Китай, Индия, Израиль и Иран. Однако следует надеяться на то, что Международный уголовный суд будет являться независимым международным органом, деятельность которого не будет иметь политической мотивации, но будет осуществляться исключительно в целях поддержания и развития системы международного правосудия для предотвращения международных преступлений, самым тяжким из которых является агрессия. Мы считаем, что Международный уголовный суд на фоне различного рода нарушений норм международного права

должен служить олицетворением основных принципов права, а именно: верховенства права, законности, равноправия всех перед законом, ответственности при наличии вины, а также справедливости, гуманности и беспристрастности при принятии решений.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что процесс формирования понятия преступления агрессии имеет долгую историю, а закрепление норм ответственности за нее также являлось проблематичным. Утверждение определения данного преступления резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г. стало прорывом в сфере науки и практики международного права. Принятие в 1998 г. Римского статута МУС ознаменовало собой новый этап в развитии системы международного правосудия. Однако вопрос юрисдикции МУС в отношении преступления агрессии остается открытым вследствие коллизии с нормами национального законодательства ряда государств, в том числе и Российской Федерации. Соответственно, для преодоления данной коллизии важно невмешательство МУС в дела национальных судов, чтобы не допустить нарушение внутренней компетенции государств. При этом должна поддерживаться цель, закрепленная Уставом ООН — сохранение международного мира и безопасности, а для достижения данной цели необходимо предотвращать преступление агрессии на всех уровнях: международном и национальном.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Girke P., Kamp M. Africa and the International Criminal Court: Stocktaking in Uganda // KAS international reports. 2010. Vol. 10.
- Glueck Sh. The Nuremberg Trial and Aggressive War // American Journal of International Law. 1947. Vol. 41. No. 1.
- O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute // Journal of International Criminal Justice. 2012. No. 10.
- Reisinger Coracini A. The International Criminal Court's Exercise of Jurisdiction Over the Crime of Aggression — at Last... in Reach... Over Some // Göttingen Journal of International Law. 2010. Vol. 2. No. 2.
- Report of the Working Group on the Crime of Aggression — A/20. Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Официальные отчеты. URL: <http://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-official-records-RUS.pdf> (дата обращения: 02.03.2017).
- Абашидзе А. Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств erga omnes // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008.
- Богуш Г. И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2010. № 5.
- Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве — Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008.
- Каламкарян Р. А. Международный суд как орган правосудия по разрешению споров между государствами // Государство и право. 2012. № 8.
- Каюмова А. Р. Перспективы унификации универсальной юрисдикции государств // Российский юридический журнал. 2015. № 3.
- Кузьменков С. Ю. Разработка определения преступления агрессии в рамках Ассамблеи государств — участников Статута Международного уголовного суда // Международное право — International Law. 2007. № 1.
- Русанов Г. А. Принципы международного уголовного права // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. № 4.
- Тузмухамедов Б. Р. О некоторых проблемах соответствия Римского статута Международного уголовного суда Конституции Российской Федерации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2008.